

Два месяца продуманных интриг и расчетов не исчерпывались одной лишь фразой «Министр финансов». Тан Шэнь хотел расспросить подробнее, но Ван Чжэнь больше ничего не стал говорить.

Поразмыслив немного, Тан Шэнь понял его замысел. Он подарил Ван Чжэню флакон эфирного масла в стеклянном пузырьке, а взамен получил столь щедрую благодарность. Он и так был преисполнен признательности, а подобное поведение Ван Чжэня лишь еще больше усиливало это чувство. Императоры умело сочетают милость и строгость, и влиятельные сановники поступают точно так же. Ван Цзыфэн виртуозно владел приемами, принятыми в чиновничьей среде, — недаром Лян Сун называл его самым искусным и способным чиновником из всех, кого встречал в жизни.

Впрочем, даже понимая это, Тан Шэнь все равно чувствовал искреннюю благодарность к Ван Чжэню. Возможно, покорить его сердце было лишь одной из целей старшего товарища. С другой стороны, Тан Шэнь прекрасно видел доброту Ван Чжэня. Чтобы просто завоевать расположение какого-то чиновника четвертого ранга, Ван Чжэню не было нужды заходить так далеко. Он ломал голову и выстраивал хитроумные замыслы еще и потому, что искренне считал его своим младшим соучеником.

Тан Шэнь произнес:

— Тот флакон Хуанцзиньлюй теперь у Его Величества, и назад его уже не вернуть. Позволишь ли ты мне сделать для тебя еще один, старший шисюнь?

Ван Чжэнь улыбнулся глазами — он только и ждал этих слов:

— Хорошо.

Они проговорили еще какое-то время. Время близилось к ночи, а на следующий день обоим надлежало присутствовать на утреннем приеме при дворе. В беседку вошел слуга и убрал со стола сладости и чай.

Ван Чжэнь спросил:

— Пусть и с опозданием на два месяца, но понравился ли моему младшему шисюню этот новогодний подарок?

«Ого! А теперь, значит, притворяться не надо?»

Тан Шэнь не мог разгадать уловку Ван Чжэня. Немного подумав, он решил ответить от чистого сердца:

— Очень понравился!

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Если понравился, то и замечательно.

К удивлению Ван Чжэня, Тан Шэнь не стал сразу уходить. Он прошел в его кабинет и сказал:

— Почерк старшего шисюня исполнен невероятной силы, его штрихи подобны парящим драконам и танцующим фениксам. Хотя я и пытался учиться писать, как ты, мне до тебя еще бесконечно далеко. Я бы хотел попросить старшего шисюня написать для меня три крупных

иероглифа.

Ван Чжэнь приподнял бровь:

— Каких три иероглифа?

— «Павильон Байбао».

Ван Чжэнь бросил на Тан Шэня многозначительный взгляд, а затем взял кисть из волчьей шерсти, обмакнул ее в тушь и широким, уверенным росчерком вывел три больших иероглифа: «Павильон Байбао».

Тан Шэнь взглянул на каллиграфию — вышло и впрямь превосходно. Дождавшись, пока просохнут чернила, он бережно свернул лист.

Перед самым уходом Тан Шэнь достал из рукава изящную небольшую парчовую шкатулку и вложил ее в руки Ван Чжэню. Тот с удивлением посмотрел на него, а Тан Шэнь пояснил:

— Небольшой подарок для старшего шисюна.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Младший шисюн постоянно делает мне подарки и утверждает, что это не взятка, так что мне остается лишь дарить что-то взамен. Похоже, сегодня ночью я снова буду ворочаться без сна, размышляя, чем же отблагодарить тебя на этот раз.

— Разве старший шисюн уже не вручил мне свой подарок?

— О?

Тан Шэнь помахал свистком с каллиграфией в руке:

— Увидимся завтра на утреннем приеме, старший шисюн, не стоит меня провожать.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру Тан Шэня, Ван Чжэнь повернулся и ушел глубже в Резиденцию министра. Переодевшись и умывшись, он сел за письменный стол и открыл парчовую шкатулку, вложенную ему в руки Тан Шэнем. Едва заглянув внутрь, Ван Чжэнь замер в оцепенении. Спустя долгое время он лишь вздохнул:

— А я-то думал, там нефритовая подвеска или саше с благовониями... А это оказалась купчая.

Договор на десятипроцентную долю в Павильоне Байбао остался лежать на столе Ван Цзыфэна, пока перед сном тот не убрал его в потайную шкатулку в своей спальне.

Тем временем Тан Шэнь, вернувшись домой, никак не мог уснуть.

Он ворочался с боку на бок в своей постели.

Сегодня он преподнес Ван Чжэню щедрый дар — десятипроцентную долю в Павильоне Байбао!

Возможно, другие еще не понимали, что означают эти десять процентов, и даже сам Ван Чжэнь вряд ли догадывался, насколько огромное богатство это за собой влечет, но Тан Шэнь расстался с этой долей легко и непринужденно. Ему не было жаль денег. Во-первых, передача доли Павильона Байбао стала выражением его искренней благодарности. Доброту Ван

Цзыфэна он видел своими глазами и, не зная, чем отплатить, решил подарить десятую часть предприятия. Во-вторых, Ван Чжэнь был полновластным хозяином в Шэнцзине, да к тому же Министром финансов, ведающим всеми торговцами. С таким покровителем Павильону Байбао нечего было бояться — перед ним открывались любые двери.

Настоящей же причиной бессонницы Тан Шэня был образ Ван Цзыфэна, играющего на цине, который запал ему в душу этим вечером.

Ясная луна, сине-зеленые одежды, нефритовый венец.

Если бы все говорили, что Ван Цзыфэн невероятно хорош собой, обладает утонченной внешностью и благородной осанкой, Тан Шэнь безоговорочно согласился бы: его шисюн почти уподобился бессмертному небожителю, куда уж простым смертным равняться с ним! Но этим вечером Ван Цзыфэн был прекрасен совершенно по-новому, достигнув в своем изяществе невиданных высот.

«Игра на цине — поистине безотказное средство выглядеть эффектно! Может, и мне пойти научиться играть?»

Поразмыслив, Тан Шэнь поспешил отбросить эту сомнительную мысль.

У Ван Цзыфэна игра на цине звучала как божественная мелодия, а у него самого, пожалуй, вышло бы нечто похожее на трепание ваты или вопли призраков. Лучше уж не позориться и не мудрить.

Провитав в мыслях полчаса, Тан Шэнь наконец погрузился в сон.

В начале третьего месяца три расположенные рядом лавки на улице Чжэнъянмэнь были одновременно выкуплены таинственным покупателем и закрылись на ремонт.

Шэнцзин являлся политическим, культурным и экономическим центром Великой Сун, так что пышность и оживленность улицы Чжэнъянмэнь обычный человек не мог себе и вообразить. Но даже здесь редкое зрелище представлял собой купец, выкупивший сразу три лавки ради открытия одного заведения.

— Для чего же нужна такая огромная торговая площадь? — гадал слуга из трактира напротив.

Слуга из трактира по диагонали через дорогу подумал: «Может, хотят открыть красильню для тканей?»

Управляющий недоуменно ответил:

— Кто ж красильню на улице Чжэнъянмэнь открывает? Здесь же земля на вес золота! Даже тот, кого осёл по голове лягнул, не додумается устроить мастерскую в таком месте!

Слуга хихикнул:

— Управляющий, а вы как думаете, что тут будет? Заняли сразу три помещения... Зачем бы это?

Управляющий отозвался:

— Чем бы ни занимались, нас это не касается. На улице Чжэнъянмэнь полно трактиров и ресторанов, но даже Терем Цяньли не позволил бы себе размахнуться на три лавки сразу. Так

что это точно не ресторан, а значит, пусть делают что хотят.

Каждый житель Шэнцзина, проходивший по улице Чжэнъянмэнь, мог видеть, как три лавки обновляются одна за другой. Если уж у управляющих и слуг возникло любопытство, то у прохожих и подавно. Однако прошло полмесяца, а в заведении так ничего и не происходило.

Второй день четвертого месяца ознаменовался тем, что кто-то заметил Управляющего Лу из Терема Сися, входившего в эту лавку.

— Ой, разве это не Управляющий Лу из Терема Сися? Неужели он решил открыть на улице Чжэнъянмэнь еще один ресторан с посягуном?

— Да быть того не может! С тех пор как открылся Терем Сися, в Шэнцзине появились и другие рестораны, подающие посягун. Пусть вкусом они и уступают Терему Сися, да и слуги там куда хуже, но недостатка в таких заведениях в городе нет. С чего бы Управляющему Лу открывать еще одно, да еще такое громадное?

— Что же он тогда задумал?

Что же на самом деле задумывали в Тереме Сися?

Или, скорее, что задумал Тан Шэнь?

Ван Чжэнь, державший в руках документ на десятипроцентную долю в Павильоне Байбао, тоже проникся редким азартом и любопытством.

29-й год Кайпин, шестнадцатый день четвертого месяца. Вражда — Лошадь, неблагоприятное направление — Юг.

Благоприятно для свадьбы, жертвоприношений, открытия торговли, приобретения имущества. Неблагоприятно для новоселья, рубки деревьев, возведения балок.

Рано утром, едва взошло солнце, на улице Чжэнъянмэнь царил невероятное оживление. Во всем Шэнцзине и даже во всей Великой Сун не было улицы оживленнее. Прямо сейчас четыре труппы исполнителей танца льва в пышных костюмах устраивали праздничное представление посреди улицы. Дорогу, где свободно могли разъехаться десять экипажей, заполнила сплошная толпа горожан.

Звуки гонгов, барабанов и соны, бурные аплодисменты и радостные возгласы гремели вокруг с оглушительной силой.

Все больше людей стекалось на шум и музыку, чтобы посмотреть на пышное зрелище. Увидев столь размахистое представление, многие прохожие решили, что наступил какой-то праздник.

Еще десять дней назад ходили слухи, будто Терем Сися открывает новое заведение на улице Чжэнъянмэнь.

С тех пор как Терем Сися подал пример, в Шэнцзине как грибы после дождя начали расти заведения, специализирующиеся на посягуне. Но, безусловно, самым популярным оставался именно Терем Сися. Каждый день там яблоку негде было упасть, и в любое время приходилось стоять в очереди.

Ждать очереди перед обедом в других ресторанах было вещью немыслимой. Даже в Тереме

Цяньли, считавшемся первым рестораном Шэнцзина, гости вряд ли согласились бы прождать полчаса ради трапезы. Но в Тереме Сися все было иначе: для ожидавших гостей слуги подготавливали чайные места, где можно было послушать сказителей. Со временем многие клиенты стали ходить в Терем Сися не столько ради посягуна, сколько ради историй сказителей.

<http://bllate.org/book/18292/1754571>